

Се Шань привёз обратно ещё одну повозку с подарками. Се Ин первым делом повесил картину в кабинете, а затем открыл том канонов. Глядя на нежный узор лотосов в качестве фона и цветные иллюстрации в начале и конце свитка, он не удержался и нахмурился:

— Это же печатная работа красавицы Цуй! Ты утверждаешь, что молодой господин Цуй отпечатал это сам? Выходит, книжная лавка «Чжизун» принадлежит ему? Красавица Цуй и впрямь тот красивый... юный молодой господин Цуй?

Се Шань, не ведая, о чём размышляет господин, кивнул:

— Молодой господин Цуй сказал, что это напечатано в его собственной лавке. Ваш слуга подумал, что это всего лишь несколько томов канонов, и ответный подарок не обойдётся в большую сумму...

Се Ин мельком глянул на него:

— Откуда тебе знать, во сколько это обошлось? Он — лишь юноша, чуждый мирской суеты, много ли у него средств? А эти каноны отпечатаны в цвете! При печати ушла уйма серебра, да и рисунки подобные неизвестно во сколько обошлись. Как ты мог забрать у него столько томов?!

Се Шань опустил голову и молчал, про себя возмущаясь: обмениваются подарками раз за разом, гоняют его, слугу, туда-сюда, а в итоге он же и остаётся виноватым!

Подумать-то подумал, но вслух такое сказать не смел. Напротив, он тут же принял усердный вид и предложил:

— Молодой господин Цуй упомянул, что книги напечатаны в его лавке. Может, вашему слуге взять пару слуг, притвориться приезжими купцами да разузнать, где находится его заведение? Если найдётся глупец, который осмелится обидеть его, ваш слуга тихонько передаст в ямынь карточку господина цяньху. И тогда его лавка будет работать спокойно и приносить золото мешками!

Се Ин холодно усмехнулся:

— В его доме хранятся императорские указы, сам он — родной сын чиновника Министерства финансов и дружен с сыном командующего. Кто в Цяньане дерзнёт его обидеть? Вот только эти книжники не всегда разбираются в ведении дел... Ладно, возьми людей и съезди глянь. Наносить ему визит не нужно, просто посмотри, какие книги залежались в лавке, купи немного, а я раздам их в подарок.

* * *

Однако тот самый Цуй Се, который в представлении Се Ина был возвышенным и далеким от мирской суеты юношей, в этот момент как раз с головой ушёл в финансовые расчёты, размышляя, как распродать «Алмазную сутру».

Четвёртый день второго месяца как раз выпадал на день Шандин, когда в уезде полагалось совершать жертвоприношения в Храме литературы. Шэнъюани в этот день напускали на себя важный вид: они обязаны были участвовать в церемонии и слагать оды в честь древних мудрецов. Господин Линь выехал на повозке с самого утра, дав отгул своим младшим ученикам. Цуй Се ещё накануне вечером выполнил все задания, утром вернулся верхом, час усердно копировал прописи для успокоения духа, после чего велел позвать управляющего Цзи,

чтобы обсудить выпуск новой книги.

Наведённый на мысль Се Шанем, он решил напечатать побольше канонов и пожертвовать их близлежащим буддийским монастырям, дабы с помощью монахов продвинуть свои издания.

Управляющий Цзи некоторое время молчал, а убедившись, что хозяин не шутит, осторожно спросил:

— Молодой господин, вы, должно быть, отдаёте все силы учёбе и ещё не знаете, сколько храмов и обителей вокруг нашего Цяньаня?

Цуй Се моргнул и смело предположил:

— Много? Неужели штуки пять или шесть?

Если бы храмов было всего две-три штуки, можно было бы пожертвовать по несколько десятков томов в каждый, а если больше — пришлось бы пожертвовать меньше.

Эти свитки в монастырях всё равно без дела не лежат: их либо продают благочестивым мирянам, либо дарят богатым покровителям. Его «Алмазная сутра» была переплетена в форме гармошки и выглядела ещё изысканнее, чем те две рукописные книги, что он делал на Новый год. Обложка обтянута узорчатым шелком, на каждой странице — нежный рисунок лотоса в качестве фона, в начале свитка отпечатан Храм Великих Раскатов Грома на Западных Небесах, а в конце — раскрашенная Гуаньинь в белых одеждах. Подобное пожертвование с первого взгляда казалось в разы благочестивее обычных книг — разве могли монахи и верующие остаться равнодушными?

Он как раз и разглядел в этом коммерческую выгоду: задействовать храмы для продвижения своей «Алмазной сутры». Пусть сначала все узнают, насколько хороши их каноны, а когда наступят праздник Цинмин и Праздник Омовения Будды и горожане кинутся покупать свитки для пожертвований, они первым делом побегут за покупками в их книжную лавку.

К тому же можно будет ввести услугу индивидуальной печати: для крупных покупателей на отдельной странице в конце книги печатать надпись вроде «С почтением вырезано и пожертвовано благочестивыми мирянами такими-то».

Задумка была отличная, но управляющий Цзи посмотрел на него с многозначительной улыбкой, словно на неразумного юнца. Обычно управляющий Цзи относился к нему с глубоким уважением, словно перед ним стоял сам Шэнь Ваньсань, и редко смотрел с таким видом. Цуй Се даже немного смутился и прибавил ещё несколько:

— Неужели около десятка?

Управляющий Цзи снова покачал головой и вздохнул:

— Молодому хозяину стоит лишь посчитать, сколько у нас гор, и станет понятно: храмов и монастырей может быть только больше, чем гор, но никак не меньше! Наш Цяньань — край, где семь частей гор, две части воды и одна часть пашни. Что ни гора — то монастырь! В общей сложности у нас построено шестьдесят два храма, и только тех, что отмечены пожалованными императором табличками, две штуки. А ещё есть храм Гуаньинь! На ваших свитках как раз отпечатана Гуаньинь, туда пожертвование сделать просто необходимо.

Несколько десятков храмов на такой маленький уезд — неразумно же! Кто всё это построил? В

уезде всего-то чуть больше пяти тысяч дворов, а они содержат шестьдесят с лишним обителей. Монахам хоть есть что есть?

Управляющий Цзи не без гордости произнёс:

— В нашем уезде живет немало благочестивых верующих, хвороста и риса на пожертвования никогда не жалеют. В год наводнения монахи открыли двери своих обителей и раздали много зерна ради спасения людей, оттого нынче фимиам у них курят ещё богаче! Если взять всю Юнпинскую управу с её уездами да и саму управу, то разве что область Луаньчжоу в Чжили может похвастаться бóльшим числом храмов, а остальным до нас далеко!

Ладно-ладно, я понял, что монахи голодными не останутся, да и нам самим предстоит кормиться за их счёт. Так как же нам теперь жертвовать каноны?

Управляющий Цзи немного подумал и сказал:

— На востоке уезда есть храм Сюаньцзюэ, туда пожертвовать нужно обязательно. Затем идут два монастыря с императорскими табличками — храм Циннин и храм Баонин, а также храм Гуаньинь. Там фимиам воскурят усерднее всего. В каждый храм пожертвовать по сотне томов — и будет достаточно. Ещё до Нового года оборот нашей лавки составлял около тысячи лянов в месяц, а сейчас мы печатаем не так много книг, так что потратить пару сотен лянов на благое дело не утянет.

В сущности, всё это делалось ради испрошения благословения для самого хозяина, так что потратить пару сотен лянов на почтение к Будде — совсем немного.

Примечание автора: В уездных хрониках Цяньяня, напечатанных в эпоху Китайской Республики, указано именно столько храмов. При династии Мин их могло быть меньше, но этот источник хотя бы надежнее моих собственных выдумок, так что напишу так.

Каноны — это товар, который продаётся всегда. Строго говоря, мало кто покупает сутры ради чтения — люди платят за свою веру. Юаньдань, праздник Цинмин, Праздник Омовения Будды, праздник Чжунъюань — всё это пики продаж. Рынок огромен, а благочестивые покупатели не скупятся на расходы. Если печать хорошая, в нужные дни всё легко распродается, да и в соседние области и управы продвинуть книгу не составит труда — не придётся разворачивать хитроумную рекламную кампанию, как это было с «Записками о собранных ароматах».

Вот только при печати канонов название заведения придётся сменить.

В заднем дворе их книжного двора жила любовница старшего молодого господина Вана, из-за чего ходили пикантные слухи. Прежде, когда продавали бумаги с портретами красавиц, сборники стихов изящных поэтов и любовные романы о богачах и демонах, смутные сплетни на улицах особо не мешали. Но теперь собирались продавать священные каноны — с такой репутацией жертвователи могли посчитать их заведение недостаточно чистым от мирской скверны.

Вот только снимать новое помещение и открывать лавку было некогда, да и бессмысленно. Цуй Се велел управляющему Цзи при печати указать в издательской марке иное имя — «Цзинчжугтан». Всё равно напечатанные каноны доставят прямиком в монастыри, а когда наступят праздники, можно просто арендовать место при храмах и на пару дней устроить временную торговлю — так покупателям будет даже удобнее.

Пусть по рисункам каждый поймёт, кто издатель, пока покров не сорван публично, податели

смогут совершать пожертвования с чистой совестью.

Управляющий Цзи с улыбкой согласился:

— Хозяин всё предусмотрел. Тогда сменим вывеску. Раньше мы часто ставили лотки на ярмарках и у храмовых ворот, просто в последние месяцы дела в лавке идут отлично, вот и не выходили на улицу. А с новым названием не стоит ли нанять и нового приказчика, чтобы никто не догадался?

Цуй Се в самой лавке не бывал, а потому спросил:

— А сколько у нас новых приказчиков? Если не найдётся подходящего, выбери человека, который впредь будет продавать только утончённые книги под вывеской «Цзинчжутан». Если кто спросит, пусть отвечает, что у заведения сменился хозяин.

Управляющий Цзи заметил:

— Звучит это не очень хорошо... Впрочем, времени ещё достаточно. В крайнем случае обратимся к посредникам и наймём пару толковых парней, чтобы они временно заправляли этим лотком.

Человека для торговли у лотка можно было подобрать не спеша, а вот в деле пожертвования канонов оставались ещё кое-какие детали. Управляющий Цзи взглянул на Цуй Се и спросил:

— До дней поминовения ещё далеко. С каким же намерением молодой господин планирует пожертвовать эти священные книги?

<http://bllate.org/book/18372/1761290>